

Однократность бытия

[*Ольга Шульская. Кипарисовая шкатулка. Рассказы и миниатюры, Вильнюс, 2008, 272 с.*]

Вышла в свет четвертая книга рассказов и миниатюр вильнюсской писательницы Ольги Шульской. И теперь с уверенностью можно сказать, что Шульская, избежав великого соблазна разрушения формы, обрела себя в том гармоничном литературном пространстве, где слышны голоса Антона Чехова, Ивана Бунина, Константина Паустовского, Юрия Казакова.

Десять лет назад мне довелось писать о первой прозе Ольги Шульской – книге рассказов «По ту сторону окна» (1998). Тогда казалось важным сказать о том, как изысканно прост жанр современного рассказа в ее исполнении, как хорош слог, с каким тактом и чувством меры писательница, филолог-русист по образованию, может использовать в своем творчестве известные ей приемы, ходы, образы мировой культуры.

С тех пор Ольга Шульская издала еще две книги – «У жизни на краю» (2001) и «Неоконченный дневник» (2003). И уже не надо доказывать очевидное – проза Шульской свойственно сочетание временного и вечного, рационального и иррационального, явленного и скрытого. Неопределенное, тайное предстает в ее рассказах, повестях, эссе как важный компонент эмпирического мира. Идеи и образы культуры (живописи, музыки, литературы) являются для писательницы тем символическим языком, который позволяет читателю объяснить то или иное событие внешней или внутренней жизни ее персонажей на глубинном, вечном уровне.

В новых рассказах Шульской, собранных в книге «Кипарисовая шкатулка», есть строго очерченная сюжетная линия. Сюже-

ты повествований непритязательны («все уже было на этом свете», – писала Шульская в первой своей книге), но не покидает ощущение значительности рассказанного. Почти всегда указаны точные координаты места и времени действия. Пространственные и временные реалии определяют суть конфликта и характеров персонажей: героиня рассказа «У развилки» мечется между мужем и матерью, оказавшейся после 1991 года в другом государстве; талантливый потомственный врач отказывается «мириться с новыми нелепыми порядками» («Маришка»); пожилая интеллигентная женщина прощается с городом своей молодости и любви, «перемещаемая» дочерью и зятем в новые места во имя благополучия внучки («Кипарисовая шкатулка»).

Герои, к сознанию которых читатель получает интимный доступ, – чаще всего обыкновенные люди, не отмеченные, как думает о себе героиня рассказа «Милостыня», «талантами, внешностью, судьбою». Окруженные родственниками и знакомыми, постоянно решающие свои и чужие житейские проблемы – обычные мужчины и женщины в суете городского бытия. Что ж, такова жизнь – мирная, не голодная, а драмы и горести, настигающие персонажей, знакомы многим: отъезды, болезни, смерть близких.

Но что или кто складывает ту, а не иную пирамиду жизни человека из кубиков потерь и обретений, любви и ненависти, встреч и разлук? Почему жизнь «случается» так, а не иначе? Зачем героиня одного из рассказов вспоминает о притче царя Соломона: «Три вещи *непостижимы* для меня, и четырех я

не понимаю: Пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к девице» (Пр. 30:18-19)? Отчего слова *судьба* и *тайна* – самые излюбленные в лексиконе героев Шульской: «...она верила (на уровне подсознания), что существует какая-то тайная сила, судьба, которая строит жизнь человека помимо его воли, и попытаться что-то изменить, пойти против этой тайной силы, переменить судьбу, невозможно» («Увидеть море»)?

Ответ один: мир повседневной жизни персонажей прозы Шульской полон обломков несбывшихся мечтаний и не воплощенных замыслов – пройденные пути пересекают непроторенные дороги. Смутная неудовлетворенность судьбой мучает врача Сергея Викторовича («Маришка»), художника Никиту («Сны Никиты»), судебного секретаря Асю («Алиса»). Ступая по дороге жизни или оглядываясь на прожитые годы, каждый из героев желает одного – осмысленности бытия, его «заполненности до краев».

В снах и фантазиях, творчестве и кратковременных (или тайных) любовных романах герои пытаются прожить иную жизнь – не ту, которая предложена временем и обстоятельствами. В реальности же, не вступая в спор с судьбой, персонажи рассказов отыскивают в ней смысл, который зачастую превосходит их разумение. А значит, принимают свою судьбу, движимые жалостью и состраданием к себе, но чаще всего к другим. Для героев Шульской их личная судьба – это воистину *бытие-друг-с-другом* (М. Хайдеггер). Поэтому так остро чувство собственной «заброшенности», возникающее тогда, когда из жизни уходят дети, родители, любимые, и у хваткой Юли («Милостыня»), и у счастливой в браке Антонины Петровны («Маришка»), и у неприспособленной к жизни Лиды: «Уход за мамой, сердечницей, раньше времени вышедшей на пенсию, занимал всё свободное от работы время. Но стена рухнула, и вот она стоит в одиночестве, обдуваемая холод-

ными и злыми ветрами. И любить ей теперь некого» («Кассирша»).

Главные герои (чаще – героини) рассказов знают неправду самозамыкающегося обособления и интуитивно чувствуют таинственное единство, которым связаны люди. Поэтому так остро переживается вина перед ближними и дальними, зачастую временно вытесненная или подавленная, но продолжающая подспудную жизнь, у персонажей рассказов «Сны Никиты», «Милостыня», «Увидеть море», «Кипарисовая шкатулка». «Страшного мне не избегнуть Суда, – и прегрешений моих вереница вытянется беспредельно, когда время прервется, пространство продлится» – такие строки любимого автором «Кипарисовой шкатулки» Александра Межирова приходят на ум одной из героинь.

В мире прозы Шульской, зримой, осязаемой, «материальной», когда мы видим и слышим, как «через два небольших окна под потолком проникали в комнату лучи сентябрьского солнца, высвечивая стол, покрытый яркой скатертью, старую полукруглую раковину, обычно тонущую в тени полуподвальной кухни, жостовские подносы на шкафчиках. Тесто поскрипывало в руках Тамары Павловны, на сковороде шипело сливочное масло, напоминая запахи детства («Алиса»), герои ищут свое глубинное «я», потому что человек «не сводится к тому, что он есть». Размышляя о непостижимости мира и человека, они пытаются понять себя и Другого, пристально всматриваясь в зеркало («Алиса») или заглядывая на дно шкатулки («Кипарисовая шкатулка»).

Понимание является как откровение, ненадолго и не для всех, ибо не зря Библия гласит: «Он посмотрел на себя, отошел – и тотчас забыл, каков он» (Посл. Иаков. I. 23-24). Для читателей же откровение длится дольше – покуда они читают рассказы писательницы, разворачивающей загадки внутреннего мира человека, а некоторая меланхолия ее прозы, на мой взгляд, связана с отчаянием от краткости отпущенного че-

ловеку срока жизни, который не дает обнаружить или осуществить заложенные в нем духовные и интеллектуальные силы.

«Мир ловил меня, но не поймал», – заявил, по преданию, Григорий Сковорода, которого вспоминает героиня рассказа «У развилки». Герои Шульской – не философы, и мир поймал их. Быть в плену у мира не означает быть в ладу с ним, но и голый самоанализ без реального нравственного действия не дает духовного возрождения. Рефлектирующие же герои Шульской в большинстве своем деятельны. «Добро, отданное другому человеку», держит на плаву персонажей рассказов «Милостыня», «Маришка», «Кипарисовая шкатулка», «У развилки», «Увидеть море». Изображенные на пике кризиса самого существования – в

ситуации утраты любимого человека, разочарования в профессии, в людях, болезни, одиночества – персонажи Шульской могли бы стать героями мелодрамы, если бы писательница рассказывала истории о человеческом страдании вне осознания этого страдания, вне поступка. Если бы персонажи прозы Шульской не пытались вопреки иссякающему индивидуальному бытию собрать себя во времени, бесстрашно бросая взгляд в прошлое. Боль, которая переживается ее героями, пробуждает их сознание, влечет за собой прозрение, поступок, выбор. А истории «пристального взгляда», всматривания в себя и Другого, прозрения и познания – это трагедии, а не мелодрамы нашего «бытия-в-мире».

Галина Михайлова